

Семья и престолонаследие

Одной из первых серьезных акций Елизаветы Петровны явилось решение вопроса о наследнике российского престола. В германском герцогстве Голштейн жил ее племянник, сын цесаревны Анны Петровны Карл Петр Ульрих, оставшийся к тому времени сиротой. Императрица вызвала тринадцатилетнего мальчика в Россию, окружила его заботой и обещала быть ему второй матерью. Во время коронации Елизаветы Петровны 28 апреля 1742 года ее племянник именовался пока лишь «владельческим герцогом Голштинским», поскольку до назначения его наследником российского престола ему предстояло перейти в православие.

Седьмого ноября того же года состоялось крещение юноши, который получил имя Петра Федоровича и титул великого князя. Вероятно, Елизавета Петровна отнеслась к этому событию несравненно более трепетно, чем сам новокрещеный. По словам очевидца, «императрица была очень озабочена; показывала принцу, как и когда должно креститься, и управляла всем торжеством с величайшей набожностью. Она несколько раз целовала принца, проливая слезы – и с нею вместе все придворные кавалеры и дамы, присутствовавшие при торжестве». В тот же день был издан манифест о признании Петра Федоровича наследником российского престола.

Летом 1743 года в Петербурге стали распространяться слухи о том, что Елизавета собирается передать престол своему племяннику. Двадцать девятого июня императрица рассказала французскому посланнику д'Аллиону, что «она, гуляя накануне в своем саду, встретила гвардейского солдата, который подошел к ней со слезами на глазах и объявил, что разглашается, будто бы она своих верных подданных хочет оставить и уступить корону племяннику своему. Я, говорила Елизавета, никогда в таком удивлении не была и сказала солдату, что это совершенная ложь и позволяю ему каждого, который станет то же говорить, застрелить, хотя бы то и фельдмаршал был». То же самое она рассказала воспитателю Петра Федоровича О.Ф. Брюммеру, который заявил, что подобные разглашения имеют одну цель – возбудить несогласие между нею и великим князем; из этого видно, как нужно приставить к молодому принцу таких людей, на которых она могла бы совершенно положиться». С этого времени Елизавета Петровна действительно взяла за правило держать наследника под бдительным присмотром доверенных людей.

Решение династических вопросов императрица сочла нужным вскоре продолжить, поспешив женить юного племянника. После долгих дипломатических дискуссий в невесты Петру Федоровичу была выбрана ангальт-цербстская принцесса София Фредерика Августа, прибывшая в феврале 1744 года в Россию вместе со своей матерью княгиней Иоганной Елизаветой. Княгиня происходила из Голштейн-Готторпского дома и была родной сестрой принца Карла Августа, того самого жениха цесаревны Елизаветы, который скорострительно скончался в 1727 году вскоре после помолвки. Хорошая память о нем особенно располагала

Елизавету Петровну в пользу невесты племянника и ее матери. Во время их первой встречи в Москве 9 февраля Иоганна Елизавета поцеловала руку императрицы и сказала: «Повергаю к стопам вашего величества чувство глубочайшей признательности за благодеяния, оказанные моему дому». Елизавета Петровна ответила: «Я сделала малость в сравнении с тем, что бы хотела сделать для моей семьи; моя кровь мне не дороже вашей». Между императрицей и княгиней завязался оживленный разговор, который Елизавета Петровна вдруг прервала и вышла в соседнюю комнату. Потом княгине объяснили, что императрица была поражена необыкновенным сходством ее с покойным братом; она не смогла удержаться от слез и поспешила удалиться, чтобы их скрыть.

Невеста Петра Федоровича, в то время пятнадцатилетняя девочка, сохранила яркие воспоминания о первой встрече с Елизаветой Петровной. Впоследствии она писала в своих мемуарах: «Когда мы прошли через все покои, нас ввели в приемную императрицы; она пошла к нам навстречу с порога своей парадной опочивальни. Поистине нельзя было тогда видеть ее в первый раз и не поразиться ее красотой и величественной осанкой. Это была женщина высокого роста, хотя очень полная, но ничуть от этого не терявшая и не испытывавшая ни малейшего стеснения во всех своих движениях; голова была также очень красива; на императрице в этот день были огромные фижмы, какие она любила носить, когда одевалась, что бывало с ней, впрочем, лишь в том случае, если она появлялась публично. Ее платье было из серебряного газета с золотым галуном; на голове у нее было черное перо, воткнутое сбоку и стоявшее прямо, а прическа – из своих волос со множеством брильянтов». В тот же день Елизавета Петровна возложила на своих будущих родственниц знаки ордена Святой Екатерины.

Вскоре отношение императрицы к принцессе Иоганне Елизавете изменилось, поскольку та ввязалась в придворные политические интриги в пользу Пруссии и Франции. В мае 1744 года Лесток даже сказал ей: «Можете, ваше высочество, готовиться к отъезду и укладываться». Вслед за тем между Елизаветой Петровной и Иоганной Елизаветой произошел длительный неприятный разговор, после которого первая появилась «с лицом очень красным и с видом разгневанным», а вторая – «с красными глазами и вся в слезах». Дело состояло в том, что принцесса в разговорах с Шетарди допустила не очень лестные отзывы об императрице, о чем стало известно из перехваченных депеш французского дипломата.

После этого объяснения Елизавета Петровна несколько смягчилась, но тем не менее продолжала обращаться с Иоганной Елизаветой холодно и сдержанно. Но это не распространялось на ее дочь, которой императрица выказывала знаки внимания и даже любви.

Двадцать восьмого июня 1744 года София Фредерика Августа крестилась по православному обычаю и была наречена Екатериной Алексеевной. Видимо, такое сочетание имени и отчества выбрала сама Елизавета Петровна в память о своей матери, что лишний раз

подчеркивало самые добрые чувства императрицы к невесте наследника. На следующий день, в тезоименитство Петра Федоровича, состоялось его обручение с Екатериной.

Год спустя, 21 августа 1745 года, Петр и Екатерина вступили в брак. Свадебные торжества продолжались с перерывами в течение десяти дней и отличались великолепием, о чем Елизавета Петровна особенно позаботилась. Не только придворные, но и все дворяне должны были исполнить императорский указ: «...Понеже сие торжество чрез несколько дней продолжено быть имеет, то хотя для оною каждой персоне, как мужеской, так и дамам, по одному новому платью себе сделать надобно». Программу празднеств составили балы с маскарадами и лотереями, обеды, ужины, а также пешее шествие императрицы и молодоженов «с придворными и другими кавалерами» в Невский монастырь.

Вскоре после свадьбы Елизавета распрощалась наконец с тещей Петра Федоровича, чрезвычайно надоевшей ей своими интригами. Двадцать восьмого сентября принцесса Ангальт-Цербстская выехала из Петербурга, получив на прощание пятьдесят тысяч рублей и два сундука с материями и другими подарками. При расставании она упала на колени перед императрицей и «со слезами просила прощения, если чем-нибудь оскорбила ее величество. Елизавета отвечала, что теперь уже поздно об этом думать, лучше было бы, если бы она, принцесса, всегда была так смиренна». В этом эпизоде выразилось свойственное Елизавете неумение и нежелание забывать обиды.

Отношения императрицы с великокняжеской четой, вначале очень теплые, постепенно все более охладевали. Петр Федорович, инфантильный и легкомысленный молодой человек, раздражал Елизавету своим упрямством и ребяческими поступками, выходившими порой за рамки приличия. Например, однажды он просверлил дырочку в стене, отделявшей его комнату от апартаментов императрицы, и подсматривал за ее трапезой в обществе Разумовского. Екатерина II вспоминала, что среди бумаг Елизаветы Петровны ею были найдены две заметки: «Проклятый мой племянник сегодня так мне досадил, как нельзя более» и «Племянник мой урод, черт его возьми». Кроме того, сохранилась еще одна записка Елизаветы: «Сожалею, что не токмо расума недостает, но и памяти лишен племянник мой». Это замечание сделано было в связи с тем, что в один из придворных праздников Петр Федорович и его жена оделись не по требованиям церемониала. Вероятно, отношения тетки и племянника окончательно испортились после того, как Петр стал удаляться от двора в подаренный ему императрицей Ораниенбаум, где проводил военные учения и злоупотреблял в компании офицеров вином и курением. По свидетельству современника, в 1755 году «великий князь попивал и занимался исключительно обучением солдат. Императрица, прежде чрезвычайно любившая своего племянника, была им чрезвычайно недовольна».

Хорошим отношениям между ними не способствовала и чрезмерная подозрительность императрицы, старавшейся держать наследника под бдительным присмотром и не допускавшей его к участию в государственных делах. Кроме того, между Елизаветой

Петровной и ее племянником существовали принципиальные разногласия по вопросам внешней политики. Императрица с середины 1740-х годов склонилась к активному антипрусскому курсу, в то время как Петр Федорович был убежденным сторонником Пруссии и горячим поклонником короля Фридриха II, с которым поддерживал тайные сношения даже в период Семилетней войны.

Добрые чувства Елизаветы Петровны к жене наследник престола сохранялись, по-видимому, достаточно долго. Тем не менее молодая женщина часто становилась объектом нападков и даже мелочных придирок императрицы, никогда стеснявшейся вымещать на других свое дурное настроение. Однажды Елизавета Петровна заявила Екатерине: «Вы чрезвычайно горды. Вспомните, что в Летнем дворце я подошла к вам однажды и спросила вас, не болит ли у вас шея, потому что я увидела, что вы мне едва кланяетесь и что вы из гордости поклонились мне только кивком головы». По словам Екатерины, Елизавета бросила ей этот упрек через четыре года после действительного происшествия в Летнем дворце. В другой раз императрица бурно выразила свое неудовольствие по поводу расположения Екатерины к одной фрейлине, у которой «были две любовные истории». Вряд ли это обстоятельство являлось действительно существенным при дворе, не отличавшемся строгостью нравов. Тем не менее «ее императорское величество говорила с такой горячностью и гневом, что была совсем красная, с горящими глазами». Были также случаи, когда Елизавета прилюдно бранила Екатерину за мотовство и долги. Впрочем, эти эпизоды не выходили за рамки чисто женского отношения уже немолодой императрицы к привлекательной невестке, которая оттеняла ее постепенно увядающую красоту.

Предметом забот и огорчений императрицы длительное время являлось отсутствие у великокняжеской четы детей. Когда 20 сентября 1754 года наконец появился на свет Павел Петрович, радостная Елизавета отобрала его у матери и стала лично ухаживать за младенцем. Не испытав материнства, она в роли бабушки проявляла слишком много ревности и усердия, что, по-видимому, портило ребенка. Екатерина вспоминала: «Я могла узнавать о нем только украдкой, потому что спрашивать о его здоровье значило бы сомневаться в заботе, которую имела о нем императрица, и это могло быть принято очень дурно. Она и без того взяла его в свою комнату, и, как только он кричал, она сама к нему подбегала, и заботами его буквально душили. Его держали в чрезвычайно жаркой комнате, запеленавши во фланель и уложив в колыбель, обитую мехом черно-бурой лисицы; его покрывали стеганным на вате атласным одеялом и сверх этого клали еще другое, бархатное, розового цвета, подбитое мехом черно-бурой лисицы. Я сама много раз после этого видела его уложенного таким образом, пот лил у него с лица и со всего тела, и это привело к тому, что когда он подрос, то от малейшего ветерка, который его касался, он простужался и хворал. Кроме того, вокруг него было множество старых мамушек, которые бестолковым уходом, вовсе лишенным здравого смысла, приносили ему несравненно больше телесных и нравственных страданий, нежели пользы».

Возможно, Екатерина несколько сгущает краски по вполне понятным мотивам материнской ревности. Елизавета страстно любила Павла, а он, в свою очередь, боготворил бабушку. К

подросшему мальчику она в качестве воспитателей определила образованнейших людей своего времени Ф.Д. Бехтеева и Н.И. Панина, которые регулярно докладывали ей состоянии здоровья и ходе обучения своего подопечного. Воспитание будущего императора считалось важнейшей государственной задачей, но императрице необходимо было решать другие, не менее серьезные проблемы.